

НАТАЛИЯ РОЩИНА

1

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ

Какого цвета
любовь?

Любовь есть

Наталия Рощина
Какого цвета любовь?

«ИП Стрельбицкий»

Рощина Н.

Какого цвета любовь? / Н. Рощина — «ИП Стрельбицкий»,
— (Любовь есть)

Любовь у каждого своя. Свои ощущения, ожидания, правила. Для трех подружек, мечтающих о счастье и надеющихся его обрести, она иная. Потому что эти три девушки – совершенно разные. Может, именно поэтому дружат, понимают друг друга. Нелюбимая, одинокая, непонятая в семье Марина. Для нее любовь и счастье – надежный муж, дом с достатком, дети, которых она будет любить одинаково. Интеллектуалка Симка мечтает о муже-партнере, с которым ее будет связывать не столько мимолетная страсть в постели, сколько глубокая дружба и взаимопонимание, близость по духу. А третья подруга – беззащитна, доверчивая, нежная Даша. Так случилось, что ее первой любовью стал мужчина гораздо старше ее. Несвободный, недоступный и желанный – трепетное сердце отвергает всех, кроме него, загадочного Стаса. Ей предстоит выстрадать свое чувство. Заплатить высокую цену за возможность быть вместе с любимым. Чтобы снова хотелось поднять голову и смотреть на звезды.

Наталия Рощина

Какого цвета любовь?

Весна воспета, как пора любви. Пригретая ласковыми золотыми лучами, душа роскошно расцветает и застывает в ожидании. Но сердечные переживания заставят врасплох не только в эту прекрасную пору. Бывает, что и суровой зимой происходит невероятное, неожиданное, всегда новое смятение чувств. Оно всегда застает врасплох. И даже поездка на загородную базу отдыха уставших после нелегкой зимней сессии девчонок подсознательно была нужна им именно для этого. Они хотели разрядки – она будет у них сполна, никто не сомневался. Но, кроме того, им предстояло повзрослеть, получить очередной жизненный урок, разобраться в себе.

И решение поехать было спонтанным, и путевки были горящими, и особого желания ехать не было ни у одной из подруг. Но хотелось сменить обстановку, освободиться на время от родительской опеки, и перспектива разлучаться на время каникул им не улыбалась. Это было несвойственно для них – Дашки, Маринки, Симки. Они не представляли, что смогут хорошо провести время каникул порознь. Что за радость в этом? Любая, самая короткая разлука представлялась им тяжелым испытанием.

Учились они на втором курсе биофизического факультета ***торского университета. С первых дней знакомства, а состоялось оно еще во время сдачи вступительных экзаменов, их тянуло друг к другу. Оказалось, что их объединяет очень интересное совпадение: у всех троих день рождения приходился на двадцать пятое число. Сима Бреславская родилась в январе, Марина Столярова – в марте, а Даша Черкасова – в июле. В этом году они собирались отмечать свои двадцатилетия – дата, которую трудно назвать круглой или юбилейной, но важной – несомненно. Совершенно разные и внешне, и по характеру, вместе они были одним целым. На курсе их в шутку прозвали «три мушкетера». Пожалуй, им очень шло это прозвище, оно тешило их самолюбивые натуры и придавало некоторую романтичность всему, что происходило. Держались они несколько обособленно от однокурсников, за что считались высокомерными, по мнению девчонок, и загадочными – с точки зрения немногочисленных представителей сильного пола. Подруг мало интересовало мнение о них, потому что они находили интересной и самодостаточной свою тесную компанию. Вливаться в коллектив, чтобы раствориться в нем, было не в их правилах, а вот для того, чтобы сверкнуть озаренным солнцем потоком, – пожалуйста! Максимализм и наивность, мягкость и упрямство, хвастовство и скромность – противоречия их характеров сплелись в крепкую, натянутую нить, которую им не хотелось ослаблять.

Сима в неразлучной троице играла роль мозгового центра. Она училась лучше всех, получая заслуженную повышенную стипендию после окончания каждой сессии. Все указывало на то, что такое положение вещей сохранится до самого окончания университета. Логическое продолжение: круглая отличница в школе, активная комсомолка, в настоящее время еще и член профкома университета, не могла опуститься до более низкого уровня. Это было ниже ее достоинства, и к тому же в семье Бреславских учиться плохо считалось проявлением крайнего неуважения не только к собственной личности, но и к славным достижениям предков, а их в династии врачей Бреславских было немало. Симочка с детства знала, что она «кисонька», «лапочка», «умница» и вообще – «золотая голова». Иногда ей казалось, что все дается ей невероятно легко именно благодаря тому, что она всегда помнила о самой высшей пробе в этом «золоте».

Искать недостатки в себе было не в ее правилах. Зная об их существовании, она даже наедине с собой изредка вменяла им в вину совершенные ошибки, а чтобы позволить кому-то осуждать содеянное – никогда. Сима умела подобрать слова, охлаждающие порыв раз-

облачителей. Не делала она исключения и для близких друзей. Они очень любили заниматься анализом совершенных промахов, а потом с облегчением списывали их на свои недостатки. Сие такое самокопание казалось несерьезным и бесполезным. Она не понимала, для чего это делает Дашка, и в меньшей степени – Марина. Растрачивать время на подобные пустяки Бреславская не желала. Она считала свою жизнь достаточно удачной и ждала от нее в будущем только уверенного продвижения вперед, вверх. Пока же своей главной задачей она поставила учебу, отодвинув на дальний план сердечные переживания, которые, по ее мнению, никуда не денутся. Маленького роста, с коротко стриженными густыми черными волосами, восхитительными, озорными карими глазами, Сима неутомимо пропадала в библиотеке после занятий, посещала кружок студенческого научного общества и всячески агитировала друзей последовать ее примеру. Марина держалась стойко, переводя в шутку призывы Серафимы. В планы Марины никак не входило проводить за учебниками свободное время.

– Симка, не всем же быть такими умными, как ты. Гранит знаний поддается мне с трудом, но я не отказываюсь грызть его. Только без твоего самозабвенного рвения, – сказала она, когда девчонки зашли после сдачи последнего экзамена в пиццерию неподалеку от университета. Результаты сессии позволяли прогнозировать получение повышенной стипендии отличницей Симкой, обычной – что касалось Даши и полное отсутствие таковой у Марины. Последний экзамен по истории КПСС она безнадежно «завалила», едва ответив на «удовлетворительно». Однако настроение у нее от этого не испортилось. Марина исповедовала собственную теорию: выше себя не прыгнешь и нечего страдать по тому, что нельзя исправить. Такое довольно легкое отношение к всякого рода неприятностям помогало ей всегда находиться в приподнятом настроении и оптимистично смотреть в будущее. Учебу в университете она считала неизбежным этапом взросления, своеобразной путевкой в жизнь. К тому же – практически полная свобода и отсутствие контроля со стороны родителей, живущих в другом городе, была Марине по душе. Жизнь в общежитии кипела и преподносила неожиданности каждый день. Здесь бурлили страсти, молва о которых молниеносно распространялась. Что-либо утаить было крайне проблематично. Поэтому последнее увлечение Марины – пятикурсник Сергей Незванов, стал считаться ее официальным ухажером, кажется, задолго до того, как с этим согласилась сама Марина. Их отношения долго переходили из дружеских в более романтические. Со стороны Сергея все было серьезно, а Марина откровенно лишь принимала его любовь. За время учебы в университете она уже успела обжечься. Не то чтобы она решила стать монахиней, просто более равнодушно взирала на мужской контингент, претендующий на ее внимание. Ухаживания Сергея она приняла не сразу. За полгода встреч, свиданий, ссор и примирений она так и не определилась с верой в искренность его чувств. Но в последнее время именно они в какой-то степени стали причиной того, что время на подготовку к экзаменам она сократила до минимума. Столярова считала более полезным для здоровья эмоционально насыщенное общение с Сергеем, нежели многочасовое сидение за учебниками. Результат любвеобильной политики оказался закономерным.

– Ты лентяйка, Маришка, – с оттенком грусти в голосе сказала Сима. – И дело только в том, какую цель преследует человек.

– Я хочу удачно выйти замуж, нарожать троих-четверых детей и наплевать на всю вашу науку, – чистосердечно призналась Марина. О ее желании выскочить замуж первой, оставив далеко позади Дашу и Симу, было сказано давно и не раз, а детали с детьми прозвучали впервые.

– Ну, ты даешь, Столярова! – присвистнула Даша. – Откуда такое рвение закопаться в пеленках?

– Я хочу иметь много детей и одинаково любить и заботиться о них. Надеюсь, что у меня это получится лучше, чем у мамы. Она вычеркнула меня из жизни. Для нее всегда

существовали только мои братья. Я люблю этих сорванцов, и они не виноваты в том, как относится ко мне родная мать. Я хочу убедиться, что способна быть справедливой и щедрой на чувства, понимаете? – улыбаясь, ответила Марина. – Мой природный материнский инстинкт побеждает слабую тягу к знаниям.

– Ладно вам, – недовольно пробурчала Сима. – Лучше помечтаем о том, как мы здорово отдохнем на базе. Неделя блаженства: лыжи, санки, коньки!

– Дискотеки, вечеринки, знакомства! – подхватила Марина.

– Всего лишь семь дней удовольствий и снова в бой, – поставила точку Даша и лукаво прищурилась, обращаясь к Симе: – учеба превыше всего, да?

– Ну, вот. Все испортила, – недовольно поморщилась Столярова, накалывая на вилку последний кусочек пиццы. – Лучше посмотрите по сторонам – кто нас окружает. Скукота, глаз положить не на кого.

– А тебе обязательно надо куда-то свой глаз пристроить? – развела руками Даша.

– Ага, объятия Незванова не слишком разжигают мои безудержные фантазии. Вам, последним девственницам факультета, этого не понять, – подружки пропустили реплику Марину мимо ушей. – Надеюсь, что на базу приедут студенты не только из нашего универа. Зануды историки и витающие в научных поисках физтеховцы – я этого не перенесу.

– Не переживай, – успокоила подругу Сима. – Я, как член профкома, имела счастье видеть списки тех, кто составит нам общество.

– Не тяни, – Марина подалась вперед, поставив локти на стол.

– Там будут еще и медики! – торжественно объявила Бреславская, оглядывая подруг взглядом, выражающим нескрываемое торжество.

– Наверное, у нас не то выражение лица, которого ты хотела увидеть, – заметила Даша.

– Да уж. Сразу видно, вы не понимаете, что нас ожидает, – разочарованно сказала Сима. – Хотя некоторых сексуально озабоченных это касается в большей мере.

– Подготовь, ты ведь у нас потомственный медик, которого судьба чудом занесла на биофизический факультет, – отозвалась Марина, стараясь придать своему лицу самое сосредоточенное выражение, на которое только была способна.

– Это самые незакомплексованные люди на Земле! Остальное – на месте, – Сима оставила подруг в недоумении своим загадочным видом. Допивая остывший кофе, они поглядывали на ее хитрющую физиономию. А она, не замечая их удивленных взглядов, осматривалась по сторонам.

Это место считалось территорией отдыха и непринужденных бесед университетского студенчества. Порой небольшой зал пиццерии не выдерживал наплыва молодежи. Она нуждалась в пристанище, где можно часами обсуждать свои проблемы под звуки негромкой музыки. Столиков всегда безнадежно не хватало, и даже отсутствие еды на тарелках не служило поводом для того, чтобы покинуть уютное местечко. С прошлой осени заведение расширилось, оборудовав летнюю площадку, рассчитанную еще на несколько неугомонных, энергичных компаний. Однако воспользоваться этой милой экзотикой под развесистыми ивами пока не было возможности: за окном шел снег и крепчал январский мороз. В помещении не было свободных столиков, а и без того неяркое освещение ослаблялось серым облаком сигаретного дыма. Как ни странно, но курили в основном девушки. С некоторых пор это перестали считать необходимым скрывать. Пожалуй, погоня за эмансипацией привела к тому, что у мужской половины стал вызывать удивление тот факт, что девушка оказывалась некурящей. Как бы там ни было, за столиком, где сидели «три мушкетера» в пепельнице тлели три сигареты.

– Почему у меня такое ощущение, что я совершаю непоправимую ошибку, отправляясь послезавтра на базу? – ни с того ни с сего спросила Даша, выпуская тонкую струю дыма вверх. Она выглядела усталой, потому что последний экзамен дался ей с большим трудом.

В больших голубых глазах девушки безнадежно хозяйничала грусть. Полученное «хорошо» поставило крест на повышенной стипендии, и это огорчало ее. Преподаватель откровенно заваливал дополнительными вопросами, а в конце и вовсе задал такой, на который потом сам не пожелал дать верный ответ. Даша знала, что он придирается из-за того, что пару раз на семинарских занятиях она имела неосторожность прокомментировать изложенный материал. Комментарий был не в пользу казенного подхода к вопросу со стороны Ивана Григорьевича Стрельцова. Наверняка он не забыл об этих неприятных минутах и с иезуитской улыбкой задавал бесконечные вопросы зарвавшейся выскочке. Было очевидно, что его выводит из себя спокойная и не растерявшаяся студентка, но с поставленной целью историк в конце концов справился.

Даша смотрела, как он своим красивым, круглым почерком выводит «хорошо» в ее зачетке, и кусала губы. Каждая буква делала все более реальной перспективу получения обычной стипендии. По большому счету, и это было неплохо. Однако Даша частенько ставила себе задачи повышенной сложности и стремилась решить их. В этом они были очень похожи с Симкой.

– Думаю, что в следующем семестре у нас будет «отлично», а пока... – продолжая улыбаться, произнес Стрельцов и отдал заветную синюю книжечку. Даша едва справилась с желанием ответить ему то, что просилось на язык. Она знала, что война с ветряными мельницами ни к чему не приводит, а потому молча вышла из аудитории. Говоря студенческим языком, ее завалили. Конечно, со временем горечь уйдет, но осадок точно останется. Тем более, что речь о Даше, обидеть которую не составляло большого труда. Она остро переживала любую несправедливость и не только по отношению к себе, несправедливость вообще, как таковую. В ней жила постоянная готовность принять чужую боль и полная беспомощность, когда что-то нехорошее касалось ее лично.

– Да, Дашка, совсем Стрельцов тебя из колеи выбил, – прикуривая новую сигарету, заметила Марина. – Неужели для тебя так важна эта дополнительная двадцатка к стипендии?

– Дело уже не в деньгах, а в том, что противно чувствовать себя кроликом перед удавом. Он сам не мог ответить на вопрос, который задал мне. Змея узкогубая, спрашивает, а глазки так и бегают, противно!

– Главное, что ты уверена в своих знаниях, – сжав руку подруги, сказала Сима.

– На вас без слез не посмотришь, – иронично заметила Марина. – Забудьте об учебе, пожалуйста. С сегодняшнего вечера мы на каникулах, понятно?

Сима с Дашей, не сговариваясь, приставили ладонь к виску, выражая готовность дисциплинированного военного выполнить приказ командира.

– Давайте договоримся о времени завтрашней встречи, – продолжила Марина, улынувшись. – Двадцать восьмой автобус «***торск – Солнечная» отправляется на базу с Нагорного рынка в девять утра.

– Тогда без четверти девять на остановке. Идет? – спросила Даша.

– И без опозданий, – лукаво посмотрев на Марину, добавила Сима. Та в ответ только утвердительно кивнула, стараясь сдержать готовые растянуться в улыбке губы. О том, как Столяровой всегда и везде удастся опаздывать, стало в их узком кругу настоящей притчей. Еще не было случая, чтобы на какое-то запланированное мероприятие Марина пришла вовремя. Она объясняла это просто: в прошлой жизни она была очень пунктуальной, поэтому в этой – отыгрывается, и просила на нее не обижаться.

Подруги провели в кафе еще около получаса, прежде чем разъехаться по домам. Завтрашний день обсуждался в деталях. Девчонки предвкушали веселое, беззаботное времяпрепровождение, которое подарит им незабываемые минуты. Каждая при этом подразумевала свое, хотя, безусловно, всем троим хотелось новых встреч, знакомств, впечатлений.

Морозное солнечное утро следующего дня поднимало настроение уже тем, что было таким ярким, сияющим. Даже снег казался сказочным, словно огромное сверкающее покрывало, сотканное из бесконечного числа драгоценных камешков, играющих под солнечными лучами. Автобус быстро уносил своих пассажиров из города, оставляя позади давно проснувшийся Нагорный рынок, высотные дома, суету снующих прохожих.

Марина сидела у окна, глядя на бегущую под колесами ленту загородного шоссе. Взгляд бездумно наблюдал за поворотами и ухабами дороги. Мысли девушки витали там, в тридцати километрах от ***торска, где она надеялась интересно провести время и обязательно ощутить волнение от прилива неожиданно нагрянувшего чувства. Долго молчать было не в правилах Марины, захотелось переброситься парой-тройкой ироничных фраз с подругами. Бросив взгляд на Симку, дремлющую в кресле рядом, Марина оглянулась на Дашу. Та казалась еще более расстроенной, чем вчера.

– Ты что такая кислая? – спросила Марина, внимательно глядя на подругу.

– Ерунда, – вяло отозвалась та, продолжая смотреть в окно влажными от подступивших слез глазами.

– Дашуня, я не могу тебя такой видеть. Ты что, до сих пор переживаешь о завале последнего экзамена?

– Нет.

– Ладно тебе, колись, легче станет.

– Не станет. Хоть всему свету расскажу, все равно ничего не изменится, – грустно ответила Даша. – Вчера получила очередное промывание мозгов от матушки. Она может позволять все только себе. Мне, вероятно, нужно было родиться слепой, глухой и немой, чтобы не видеть и не слышать этого. Есть еще вариант – монастырь. Туда меня вчера послали, это – во-первых.

– За что на этот раз? – Марина знала о непростом отношении Даши к попыткам матери наладить личную жизнь, поэтому сообщение не удивило ее.

– Она почему-то очень не хотела меня отпускать. Ни с того ни с сего начала орать, что туда едут те, кому нужен блуд, а порядочным девушкам там нечего делать, – Даша удивленно подняла брови. – Ты не знаешь, откуда у нее такие сведения?

– Насчет блуда или нашей непорочности? – складывая губы бантиком, спросила Марина.

– Мне не до шуток, – вздохнула Даша и снова уставилась в окно. – Ты-то можешь войти в мое положение?

– Не понимаю я тетю Иру, чего она от тебя хочет? Такой дочкой только гордиться и гордиться, а она пилит, пилит. Это она от неустроенности своей личной жизни такая. Точно тебе говорю. Женщины, которым под сорок, становятся невменяемыми, если у них нет постоянного сексуального партнера или проблемы какие-то в этом плане.

– Мариша, у тебя все дороги ведут к сексу! – отмахнулась Даша. – Ты себе не изменяешь.

– И докажи мне обратное! – лукаво улыбнувшись, Марина переждала очередной рев двигателя автобуса, поднимающегося по подъему. – Миром правит любовь и постель. Это самый легкий и приятный путь решения всех проблем.

– Да?

– Иногда, конечно, одни проблемы решаются, а другие возникают, но это – философский вопрос. Голова в любом случае не помешает.

– Хорошо, уже теплее. Значит, все-таки нужны еще мозги?

– Обязательно, но как дополнение, – вздохнула Марина. – Однако первоочередным является получение сексуального удовлетворения!

– Ну и как же применить твою теорию к моим разногласиям с мамой?

– У нее будет целая неделя на плотские удовольствия, не лимитированные твоим возвращением домой в самый неподходящий момент. Посмотришь, когда мы вернемся, она будет совсем другой – спокойной, улыбчивой и умиротворенной. На тебя будет смотреть, как на самую прекрасную в мире дочь.

– Спорить с тобой мне не хочется.

– И не нужно. Поверь моему опыту – все женщины злятся и совершают ошибки только в состоянии хронической сексуальной неудовлетворенности. У меня на этот счет есть очень емкое определение, но, боюсь, для тебя оно слишком вульгарно.

– Пожалей мои уши! – Даша засмеялась в ответ и закрыла уши руками – она физически не могла больше слушать рассуждения подруги.

– Ладно, умолкаю, – Марина укоризненно покачала головой и снова исчезла за высокой спинкой кресла. В пылу развиваемой темы она упустила из виду, что ссору с матерью Даша назвала одной из причин своего не самого сияющего вида.

Снова получив возможность спокойно размышлять, Даша погрузилась в воспоминания вчерашнего вечера. Он оказался переполненным невеселыми событиями. Мама начала, а Стас продолжил. Ведь именно неприятный разговор с ним стал второй, не менее важной причиной, испортившей девушке настроение. Пожалуй, ссора с ним огорчала больше, чем унижительные намеки матери. Даша вздохнула, откинулась на спинку кресла, чуть опустив его для удобства, и решила вздремнуть. Ведь этой ночью она практически не спала: горечь разговора с мужчиной, которого знала с детства и боготворила, лишала покоя и не позволяла расслабиться. Даша вспоминала, как ворочалась в своей кровати, стараясь найти положение, в котором все-таки сможет уснуть, но это удалось лишь под утро. Разбитая, с опухшими веками, она едва поднялась, услышав резкий звук будильника. Стараясь передвигаться потише, чтобы не разбудить мать, быстро собралась и осторожно закрыла за собой входную дверь. В последний момент Даша пожалела, что не подошла и не поцеловала спящую маму – обида на нее хоть и была свежей, но не настолько, чтобы относиться к ней, как к чужому человеку. Даша уже вставила ключ в дверь, чтобы вернуться и чмокнуть ее в теплую щеку, почувствовать легкий запах «Фиджи» – ее любимых духов. Однако все-таки решила не противоречить приметам – достаточно неудач было у нее в последнее время.

Закрыв глаза, Даша прислушалась к звуку автобусного двигателя – его обороты становились то мощными, уверенными, то захлебывались. Неприятное рычание не давало сосредоточиться. Даша подумала, что Стас домчал бы ее до базы минут за двадцать – он предложил это вчера, но она отказалась. Он хотел получить еще немного времени, чтобы побыть с нею наедине, а Даше было неудобно перед девчонками, которые будут трястись в пропахшем бензином автобусе. Стас сделал свои выводы из Дашиного отказа. Он обидчиво поджал губы, заявив, что понимает истинную причину ее поведения. Он насмешливо спросил: с каких пор ее стали интересовать сверстники? С каких пор она так стремится в их общество? К чему эта нелепая поездка зимой на базу, куда нормальные люди съезжаются исключительно в жаркое время года? Ему была невыносима мысль о предстоящей разлуке и то, как легко относилась к ней Даша. Поэтому он злился и говорил колкости. Он сам не знал, чего хочет в данный момент и от их отношений вообще. Пожалуй, роль наставника, ангела-хранителя давно ему надоела. Даша была слишком умна, чтобы не понимать этого. Однако, несмотря на большую разницу в возрасте, она смогла поставить себя так, что он, взрослый мужчина, ни на чем не настаивал.

Даша не понимала, зачем была нужна ему. Между ними была какая-то романтическая, болезненная привязанность, разорвать которую становилось все труднее. Это уже словно и не зависело от их желаний: они должны время от времени встречаться, разговаривать, целоваться до онемения скул и опухших губ. Стас хотел, чтобы их связь перешла в другое качество. Ему, взрослому мужчине, было трудно держать себя в руках, но он боялся спуг-

нута ее, полную наивных рассуждений о том, как должны развиваться отношения между влюбленными. Все было слишком запутанно и сложно для обоих. Стас не давал обещаний, Даша ничего не просила. Она вообще удивлялась тому, с каким упорством он искал встреч, с каким упоением целовал ее каждый раз, словно после долгой-долгой разлуки. Всматриваясь в его красивое лицо, Даша понимала, что это – сон, который снится против ее воли, но очень приятный. Пусть он сопровождает ее до тех пор, пока судьбе не будет угодно подарить ей настоящее, реальное, всепоглощающее чувство.

Никаких планов в отношении их совместного будущего Даша не строила – Стас Дубровин давно был женат, растил сыновей-близнецов, которые в этом году заканчивали выпускной класс. Девушке не хотелось строить собственное счастье на том, что должно было отобрать отца у детей. Она сама едва пережила страшное время, когда однажды мама сказала, что отец больше не будет жить с ними. Семилетняя девочка долго не могла понять, что такое возможно. Как получилось, что после работы папа будет возвращаться не домой, а к другой тете? Неужели она настолько плохо вела себя, что, не выдержав, он ушел? Мама не хотела ничего объяснять, не пытаясь снять груз вины с маленьких плеч. Женщина получила удар, оправиться после которого стоило ей нечеловеческих усилий. Она теперь только плакала, запершись в ванной, а Даша сидела под дверью и слушала ее всхлипывания, едва заглушаемые шелестом воды. Эти воспоминания навсегда врезались в память Даши.

Из случайно подслушанного телефонного разговора матери с подругой она узнала, где теперь живет отец, и в один солнечный летний день решила отправиться к нему, чтобы все выяснить. Девочке хватило смелости найти нужный дом, а он оказался совсем рядом. Только осуществить свое желание Даша не смогла. Она стояла неподалеку от нужного подъезда, когда двери распахнулись, и на крыльце появился отец, держащий на руках маленькую девочку. Она обхватила ручонками его шею и, запрокинув голову, звонко смеялась. Отец целовал ее и улыбался в ответ. Даша остолбенела. Она не могла поверить, что столько нескрываемой любви и обожания отец дарит какой-то белокурой девчужке. Это не могло быть правдой. Даша зажмурилась, посчитала до десяти и открыла глаза – не заметив ее, отец прошел, увлеченно что-то рассказывая этой девочке. Отступая в тень раскидистой ивы, Даша проводила глазами того, кого она поклялась забыть, вычеркнуть из своей жизни раз и навсегда. Маленькое сердечко сжалось, кольнуло, ладошка прижалась к груди, пытаясь умирить его. Опустив голову, она вернулась во двор своего дома. Мама давно безуспешно звала ее, обегая в который раз детскую площадку, а когда увидела – подбежала, присела рядом, сильно впила пальцами в плечи и расплакалась. Она не могла говорить, только повторяла один вопрос, переводя дыхание: «Где же ты была? Где же ты была?» Даша смотрела, как по маминому лицу бегут бесконечные ручейки, и непроизвольно сдвигала густые черные брови. Чувство боли и несправедливости, оставшиеся после ухода отца, сменились желанием отомстить за эти слезы.

– Не плачь, мама, – тихо попросила Даша. – Нам будет хорошо вдвоем, слышишь? Так же хорошо, как той девочке с нашим папой. Только теперь тебе придется любить меня за двоих, ты сможешь?

Встретившись с взглядом дочки, мать все поняла. Крепко прижав Дашу, она до боли закусала губу. Страдания маленького человечка, впервые столкнувшегося с предательством, разрывали ее сердце. Ирина сказала себе, что ради счастья дочки найдет в себе силы преодолеть любые трудности. А вслух ответила:

– Дашуня, я любила и люблю тебя очень сильно. И папа тебя любит, поверь.

– Нет, не верю!

– Главное, чтобы мы с тобой дружили, без ссор, секретов и обид. Мы – две подружки, договорились? Тогда мы обязательно выстоим. И никто нам не нужен, никто...

Однако сказать всегда легче, чем сделать. Трудности, с которыми пришлось столкнуться молодой женщине, вызывали у нее частые приступы неконтролируемой ярости. Она злилась на весь мир, на всех, кто оказался удачливее, способнее, счастливее. К тому же появилась угроза увольнения с работы, и Ирина вообще запаниковала. Она, как ребенок, ощутила необходимость защиты, заботы, понимания. Ни бабушек, ни дедушек, ни сестер, ни братьев – она почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Подруги утешали тем, что она еще молода и хороша собой, а значит – обязательно встретит достойного мужчину. Ирина поглядывала на себя в зеркало, соглашалась с тем, что выглядит гораздо моложе своих лет, но время шло, а встреча с тем, кто решился бы стать ее опорой, другом, любимым, не происходила.

В один «прекрасный» момент, оказавшись без мужа, без работы, без средств к существованию, молодая женщина бурно провела вечер в ближайшем кафе. Столько спиртного она не пила никогда. Сначала она выпивала обжигающую жидкость и не пьянела. Напротив, ей казалось, что с каждой рюмкой наступает все большее прояснение в голове. Она заказывала еще и еще, пока не почувствовала, что тело перестало повиноваться. Она не могла говорить, идти, едва держалась на ногах, опираясь о стойку бара. Музыка, лившаяся отовсюду, довела ее до слез, потому что громко и внятно что-то произнести она не могла, а песни сменяли друг друга, и перекричать их Ирина не могла.

Дубровин имел привычку время от времени появляться среди посетителей. Высокий, красивый, одетый по последнему слову моды, он мгновенно становился центром всеобщего внимания. Каждый раз он приветствовал кого-то из своих знакомых, ряды которых разрастались с невероятной скоростью. С тех пор, как он стал хозяином этого небольшого кафе, в его жизни произошел перелом. Те, кто не замечали его раньше, почему-то спешили исправить положение. Дубровин был не злопамятным, но близко к себе подпускал немногих. Щедро расточая улыбки, он был таким близким и одновременно недостижимым.

В тот вечер Стас сразу обратил внимание на красивую, отчаянно пьяную молодую женщину. Она уже давно ничего не заказывала под осуждающими взглядами бармена и оказавшихся рядом посетителей. Почему-то Дубровин решил, что без его вмешательства не обойдется. Он подошел к женщине, положил руку ей на плечо. В ответ она медленно подняла голову, повела дугами бровей и посмотрела на него долгим, пустым взглядом. Стас заметил: на ее лице ни грамма косметики. Она была достаточно красива для того, чтоб любое дополнение к этим выразительным чертам сделало бы ее вульгарной. Такие женщины встречаются редко – природа нечасто бывает щедра. Через мгновение в ее голубых глазах застыли слезы, а губы попытались произнести что-то членораздельное.

– Опирайтесь на меня, – неожиданно произнес Стас, забирая со стойки ее маленькую черную сумочку, и заметил благодарность в глазах женщины. Ту, на которую она была в этот момент способна. В своем кабинете он уложил ее на диван, одернул платье. Женщина мгновенно отключилась, шумно дыша. Стас постоял с минуту, рассматривая ее: красивое лицо, светлые волосы, кое-как собранные железной заколкой. Рука, свесившаяся со спинки дивана с тонкими длинными пальцами и остатками маникюра. Он увидел этот облезший лак и сразу понял, что у нее не все в порядке. Откуда пришел порыв жалости к этой, потерявшей контроль над собой женщине, Дубровин понять не мог. Ему ничего от нее не было нужно. Его жизнь шла по давно определенному сценарию и никаких эксцессов в ней быть не должно. Закрыв за собой дверь кабинета, он повесил табличку «Не беспокоить» и подошел к бармену.

– Тимофей, ты зачем наливал этой блондинке в красном платье? – в голосе Дубровина слышалось едва сдерживаемое раздражение.

– Клиент желал – клиент получил, – пожимая плечами, недоуменно ответил бармен.

– Соображать нужно. Ты зачем курсы заканчивал? Вас там только коктейли делать учили или еще чему-то?

– Станислав Викторович, я не виноват, что дамочка не рассчитала своих сил.

– Еще одно подобное замечание – уволью. Собрание коллектива заклеит тебя, как профессионально не пригодного. Понятно? – с металлическими нотками в голосе произнес Стас и, увидев в зале хороших знакомых, направился к ним.

На часах была половина одиннадцатого, когда Ирина пришла в себя, приподнялась на локтях, а глаза ее с каждой секундой раскрывались все шире. Напротив за столом сидел красивый молодой мужчина и разбирал бумаги.

– Очнулась? – не поднимая головы, произнес Стас.

– Который час? – резко поднявшись, спросила Ирина. Ее бросило в жар, а голову до звездочек в глазах сдавили невидимые руки.

– Скоро одиннадцать, – отложив бумаги, ответил Стас.

– Господи, дочка одна, Даша одна! – в голосе женщины появились первые признаки подступающей истерики.

– Спокойно, – поднимаясь, повелительно произнес Дубровин. – Она дома?

– Должна быть.

– Где ты живешь?

– Неподалеку отсюда, на Ждановской.

– Поехали, через минуту будешь дома.

Преодолевая головную боль, на негнувшихся ногах Ирина едва поспевала за Дубровиным. Во дворе, примыкавшим к кафе, стояли белоснежные «жигули» последней модели. Открыв дверь, Стас помог женщине сесть в машину. К Ирине с каждой минутой возвращался здравый смысл. Возникли вопросы, один из которых она осмелилась задать.

– Простите, мы ведь не знакомы. Почему вы принимаете участие в моем приключении?

– Не знаю, – коротко ответил Стас. – Кстати, давайте познакомимся. Меня зовут Стас, и это мое кафе.

– Ирина, – поправляя растрепанные волосы, сказала она. Движения ее все еще были не совсем скоординированными – приличная доза алкоголя продолжала действовать. – Спасибо вам.

– Не стоит.

– Поверьте, со мной это впервые. У меня конкретная полоса невезения. Если бы не Даша... Боюсь, я могла бы натворить глупостей. Не осуждайте меня...

– И не думал, – прикуривая сигарету, ответил Стас. Они уже подъехали к дому, где жила Ирина, когда, остановив машину, он повернулся лицом к женщине. – Я не имею привычки осуждать. Этого же хочу и по отношению к себе. Мне кажется, я смог бы вам помочь. Приходите завтра, поговорим. Сейчас не до разговоров. Дочка ждет – я понимаю. А бабушки и дедушки где?

– С мужем в разводе, а я – сирота.

– Я тоже.

– Что, в разводе?

– Нет, сирота, – ответил Стас, внимательно глядя на дорогу. Теперь он понял, что подсознательно заставило его протянуть руку помощи этой женщине.

Ирина всматривалась в лицо своего неожиданного спасителя. Оно показалось ей открытым, добрым. Кажется, ему не нужно от нее все то, чем обычно заканчиваются все предложения помощи. Одурманенная голова никак не могла найти истинную причину доброты со стороны совершенно незнакомого человека. Это было непривычно и настораживало.

– Спасибо, – Ирина хотела быть вежливой и благодарной. Красивые фразы не складывались, и, улыбнувшись, она открыла дверь. – Я обязательно зайду завтра.

– Только не начинайте со стойки бара, – лукаво прищурился Стас. – Водка способна усложнить любую проблему, но никогда – решить ее.

– Знаю, знаю...

– Поговорим лучше за чашкой кофе. У меня есть настоящий, бразильский.

– Наверное, вы очень хороший человек, Стас, – тихо сказала Ирина.

– Хороших людей вокруг больше, чем вы сейчас думаете.

– До завтра, – никак не отреагировав на последнюю фразу, ответила Ирина и вышла из машины.

Стас махнул ей рукой и мягко тронулся с места. Ирина не стала смотреть вслед удаляющемуся автомобилю. Она насколько могла быстро взбежала по ступенькам крыльца, поднялась на третий этаж, на ходу доставая ключи из сумочки. Открыв дверь, она заметила, что везде включен свет, а в дальнем углу коридора, обняв коленки, сидит Даша. Припухшие, воспаленные веки сказали Ирине все без слов. Подбежав к дочке, она опустилась на пол, обняла маленькое тельце.

– Прости, милая, прости.

Крепкий запах алкоголя заставил девочку непроизвольно отпрянуть от матери. Всмотревшись в ее отекавшее лицо, кое-как подобранные длинные волосы, Даша осторожно освободилась от объятий.

– Ты просто предупреждай меня в следующий раз, ладно? – тихо попросила девочка и направилась в свою комнату. Щелкнула клавиша выключателя. Из темноты детской раздался кажушийся нереальным ровный голос: – Спокойной ночи, мама.

Ирина осталась сидеть на полу в коридоре, глядя на темный проем комнаты дочери. Женщине показалось, что в этот вечер произошло что-то непоправимое. Она поняла, что не получится у них той идиллии, о которой говорила Даша после ухода отца. С трудом поднявшись, Ирина прошла по квартире, выключая везде свет. Она впервые поняла, что Даша боится темноты. Ей стало не по себе от сознания, что она слишком погрузилась в свои проблемы, позабыв о том, что рядом не меньше страдает маленькая, беззащитная девочка. Наскоро приняв душ, Ирина пообещала себе, что с завтрашнего дня у них начнется новая жизнь. Знакомство со Стасом обязательно приведет к тому, что все станет на свои места.

В это нелегкое время рука помощи, протянутая Стасом, уберегла Ирину от вереницы нелепых, непоправимых ошибок. На следующий день женщина отважилась прийти в кафе, как обещала. На трезвую голову сделать это оказалось сложнее. Ей было так стыдно за вчерашнее, что она едва осмелилась осторожно постучать в дверь директорского кабинета. Ее проводил сюда один из официантов и тут же вернулся в зал. Ирине казалось, что она здесь впервые – вчерашний вечер никак не отпечатался в ее голове. Единственным неприятным воспоминанием была Даша и ее испуганные голубые глаза, сверлившие, пробиравшиеся в самую душу, обвиняющие.

– Войдите, – послышался уже знакомый голос. Ирина покачала головой, что-то пробормотала себе под нос и открыла дверь.

– Добрый день, – тихо сказала женщина и почувствовала, как по лицу, шее обжигаяще прокатилась жаркая волна.

– Добрый, заходи, – поднимаясь навстречу, радушно ответил Стас.

Через полчаса он уже был в курсе всего, что происходило с его собеседницей в последнее время. Ему было отчасти знакомо это убийственное состояние собственной никчемности, беспомощности. В такой период в душу можно легко впустить столько негативного, разрушающего. Дубровину совершенно искренне хотелось помочь этой женщине, ее маленькой дочке, которую она любила со всей глубиной и преданностью, на которую способно материнское сердце. Он никогда не был альтруистом, но в этом случае словно намеревался наверстать упущенные возможности творить добро за всю свою недолгую жизнь. Уже допивая кофе, он знал, что постарается устроить ее бухгалтером в этом кафе. Пожалуй, начинать нужно было именно с работы. Главное, чтобы она оказалась среди доброжелательных людей,

погрузилась в производственные заботы и отвлеклась от своих мыслей о несостоявшейся семейной жизни. Коллектив маленького кафе подходил для этого оптимально.

Дубровин быстро привел в исполнение свои намерения: принял Ирину на работу в кафе, заведующим которого сам стал недавно. Первый шаг на пути к новой жизни был сделан. Это случилось накануне еще одного важного события в жизни Ирины – ее дочь первого сентября шла в школу. В одном из разговоров Ирина сообщила Стасу об этом со вздохом, качая головой.

– Почему ты так грустно говоришь? – удивился он.

– Даша плачет. Всем праздник, а ей – слезы. Дети бывают очень злыми. Они хвастают, что их поведут на торжественную линейку мамы и папы... Ей так не хватает отца, – Ирина прикурила очередную сигарету. – Он не придет, я знаю. Он сразу сказал, что будет помогать только материально. Не знаю, где у него сердце? Он охладил ко мне, но причем здесь Даша? Наверное, это свойство некоторых мужчин – забывать о том, что было хорошего в прошлом ради кажущегося безмятежным настоящего. Ладно, что теперь об этом горевать...

– Скажи Даше, чтобы перестала плакать. Я поведу ее в школу. Завтра у нас какое число?

– Тридцать первое.

– Значит так, после работы поедem к тебе. Познакомишь с дочкой, а мы потом с ней обо всем договоримся. Идет? – Стас наблюдал за тем, как целая вереница невысказанных мыслей пронеслась по лицу Ирины. Она медленно затушила сигарету и подошла к Стасу ближе.

– Скажи, пожалуйста, чем я смогу тебе отплатить за то, что ты для нас делаешь? – произнося это своим бархатным голосом, Ирина чувствовала, что сейчас уже не восприняла бы трагически его предложение стать его любовницей. Она ощущала прилив нежности к этому большому, щедрому мужчине, смотреть на которого приходилось снизу вверх. Она даже представила, как его сильные руки сжимают ее в объятиях, но насмешливый взгляд Стаса охладил ее фантазии.

– Если ты думаешь, что я тебе отдамся – ты глубоко ошибаешься, – нарочито возмущенно произнес он, едва сдерживая рвущуюся улыбку. Потом лицо его стало серьезным. – Я твой друг, а друзья должны бескорыстно совершать добрые дела. Я делаю это от души, а почему – сам не знаю. Просто у меня внутри еще не все заржавело. Мы друзья, договорились? Не ищи в моих поступках корысти. Я женат и не так безгрешен, каким могу показаться, но по отношению к тебе все совсем иначе. Это не значит, что ты не привлекаешь меня, как женщина. Ты очень красивая. Просто я хочу, чтобы ты получила все самой высокой пробы, понимаешь?

– Конечно, – Ирина едва прикоснулась к плечу Стаса, смахивая воображаемую пыль. Она боялась поднять на него глаза, потому что восхищение, которое вызывал Дубровин, отразилось бы в них слишком явно. Они не должны усложнять свои прекрасные отношения тем, что может принести с собой постель, ни к чему не обязывающий секс. Стас очень тактично дал это понять, и он как всегда прав. – Иду работать. Квартальный отчет все-таки.

Ничего менять в своей жизни Дубровин действительно не собирался, потому что своей успешной карьере был всецело обязан могущественному тестю. Сам Дубровин кроме броской внешности не обладал никакими достоинствами. Все на среднем уровне, плюс – врожденная лень, которая не дала должным образом развиваться тому, что было заложено от природы. Его жена Тамара, напротив, дурнушка с невероятно широкими черными бровями, сходящимися на переносице, не имела даже сотой доли того обаяния, которое расточал Стас. Единственным ее достоинством был отец с широчайшими связями, высоким служебным положением и умением решать кажущиеся тупиковыми проблемы при помощи одного телефонного звонка. Счастье единственной дочери было для него важным условием спокойной, удовлетворенной прожитой старости. Выбор Тамары, ее бурный роман со Стасом

Федор Сергеевич не одобрил, но, пережив попытку суицида с ее стороны, сдался и благословил.

Зять казался ему грубоватым, неотесанным нахалом, который окрутил его доверчивую девочку. Однако делать было нечего – пришла пора обтесать этот монолит со сверкающей улыбкой. Благодаря стараниям тестя Стас после окончания института общественного питания быстро получил хорошую работу в городском кафе, а в перспективе имел огромный ресторан в центре ***торска, заведующим которого со временем должен был стать Дубровин. Стас был доволен собой. Единственное, что становилось ему в тягость с каждым годом, – полное равнодушие, которое он испытывал к Тамаре. Она была хорошей женой, заботливой матерью, но та романтика, которой он окружил их отношения до свадьбы, постепенно сошла на нет. Он придумал женщину, которой не существовало на самом деле. Стас по-своему любил жену, изредка чувствуя вину за то, что фактически использовал ее.

Судьба сыграла с ним злую шутку, когда позволила Стасу познакомиться с маленькой, худенькой девочкой со смешно торчащими тонкими косичками и огромными голубыми глазами. Он выполнил свое обещание, и первого сентября Даша гордо шла, держа в одной руке огромный букет белоснежных гладиолусов, а другой – сжимая горячую ладонь своего нового знакомого. Она то и дело поднимала голову и с восхищением поглядывала на него, такого высокого, красивого, улыбающегося. Девочка просила добрую фею, в которую до сих пор верила и которой доверяла все свои тайны, сделать так, чтобы почаще видеть его, общаться. Почему-то Стаса Даша восприняла как хорошего маминного знакомого, который никогда не станет ее папой. У взрослых так обычно бывает: дружат, дружат, а потом раз – и поженились. Нет, со Стасом такого не должно случиться, потому что она сама собралась за него замуж. Оставалось деликатно намекнуть ему об этом и попросить не жениться, пока она не подрастет...

Даша улыбнулась, вспоминая, как выбрала каждодневный маршрут из школы, проходящий мимо кафе Дубровина. Она нарочно медленно шла мимо, а если Стас не появлялся – заходила внутрь. Днем в кафе было не так многолюдно, как вечером. Мама ругала ее, когда она забегала сюда позднее. А после школы – разрешалось. Особенным везением было отсутствие мамы, уехавшей сдавать бесконечные отчеты. Тогда Стас обязательно провожал ее до самого подъезда, расспрашивая, как прошел день. Огромный ранец Даши всегда казался ему слишком тяжелым для такой хрупкой, невысокой девчушки. Он предлагал свою помощь, и девочка соглашалась, гордо встряхивая тонкими косичками с пышными бантами.

Время шло, однажды весной пришли неожиданные перемены – в кафе появился новый заведующий. Мама объяснила Даше, что у Дубровина теперь другая работа – самый модный, самый посещаемый в ***торске ресторан в центре города.

– Он обещал, если получится, и меня перевести туда, – Ирина смотрела на погрузневшее лицо дочки, смутно догадываясь о причине. Ей стало жаль Дашу. Наверняка она напридумывала себе бог знает что. Нужно было как-то объяснить, что Стас – это другой мир, к которому им повезло прикоснуться, не более. – Кстати, этим летом, если захочешь, мы сможем поехать на море. Стас обещал льготные путевки в Феодосию. Он с женой и сыновьями тоже поедет.

Лицо Даши стало непроницаемым. Столько лет она общалась с Дубровиным, но ни разу он не заговорил с нею о том, что у него есть семья, дети. Он ни разу не обмолвился об их существовании. Он всегда вел себя так, как будто существуют только их с Дашей проблемы, секреты и только они важны. Значит, он бессовестно лгал!

– Мама, я не поеду с ними на море, – твердо сказала Даша.

– Нас никто не заставляет, – наблюдая за дочкой, ответила Ирина. – Просто ты много болела в этом году. Не мешало бы оздоровиться.

– Я не хочу сейчас об этом говорить, – Даша зашла в свою комнату, села на диван. Ее первое чувство разбилось, как хрупкий хрустальный бокал от неловкого прикосновения. Детская фантазия, разгулявшаяся не на шутку, позволяла верить в самые невероятные предположения. Реальность вернула ее из парящего полета. Даша почувствовала, что жизнь преподнесла ей еще один урок предательства со стороны мужчин. А Стаса она считала теперь предателем. Он позволил ей мечтать о нем. Наивная девочка полагала, что Стас давно заметил, что она восхищенно внимает каждому его слову и приветствует это. Дубровин на самом деле видел повешенный интерес к нему, только в отличие от Даши он не придавал этому серьезного значения. Не придавал до тех пор, пока не почувствовал, как тоскует, скучает по их почти каждодневным встречам, доверительным разговорам. А видется они стали все реже и реже.

Устроить Ирину в ресторане Стасу не удалось, в его положении первое время нельзя было ни на чем настаивать. Жизнь разводила их в разные стороны. К тому же у Ирины появился любимый человек, активно принимавший участие в ее судьбе. Знакомство с Борисом окрылило женщину, снова сделало легкой ее походку, прибавило уверенности в себе. Она несколько месяцев встречалась с ним, прежде чем отважиться пригласить к себе в дом и познакомить с Дашей. Реакция дочери успокоила Ирину – девочка приняла его спокойно, на первых порах этого было достаточно.

Прошло еще немного времени, и Борис стал оставаться на ночь, а вскоре – появляться у них почти каждый день, на правах хозяина приводя в порядок то, что требовало приложения мужских рук. Перестали течь краны, розетки заняли свои места и перестали пугающе болтаться на тонких проводках. Телевизионные каналы стали безукоризненно показывать, потому что появилась новая антенна. Да и с материальной стороны стало полегче: работая на заводе, Борис получал зарплату гораздо выше, чем мама с ее дипломом экономиста. Возвращаясь вечером частенько раньше Ирины, Борис встречал ее хорошим ужином. Без затейливых салатов, украшений, он готовил аппетитно пахнущее мясо и непременно гарнир – картофельное пюре, которое у него получалось вкуснее, чем у Ирины. Однажды он удивил всех, пообещав испечь пироги в воскресенье, и получились они у него замечательные. Даша не могла не согласиться с тем, что маме нужен именно такой мужчина – хозяйственный, домашний, простой. С ним спокойно, уютно. И все-таки Даше казалось, что у мамы к нему нет сильного чувства, и однажды, когда Бориса не было дома, девочка набралась смелости спросить ее об этом.

– Мам, а ты любишь его так же сильно, как любила папу?

Вопрос не застал Ирину врасплох. Мысленно она сотни раз отвечала на него. Но под внимательным взглядом дочери это оказалось сделать сложнее.

– Нет, девочка, не так. Любовь каждый раз ощущается по-иному.

– А разве можно любить несколько раз? – удивление девочки было искренним.

– Можно.

– Странно. Мне бы хотелось один раз и на всю жизнь, – опуская глаза, тихо сказала Даша.

– Это идеально, но в жизни чаще бывает иначе, – Ирина погладила Дашу по гладким, шелковистым волосам. – Я тоже думала, что с твоим папой у меня на всю жизнь. Но тебе, надеюсь, повезет больше.

– Мам...

– Ну, что тебе еще?

– А какого цвета любовь?

– Я... Я не думала над этим, – растерялась Ирина и восхищенно добавила: – Откуда в твоей голове возникают такие вопросы, девочка?

– Нельзя отвечать вопросом на вопрос.

- Тогда – красного, – улыбнувшись, ответила Ирина.
- К папе или Борису?
- Отстань, не хочу больше об этом.

Даша почувствовала, что затронула болезненную тему. Она сделала вывод, что мама до сих пор продолжает любить отца, а Борис – необходимое дополнение. С ним хорошо, но без него – не конец света. Девочка была недалеко от истины. Отношения между Ириной и Борисом не были феерическими, окутанными ореолом романтики, полными страсти. Все было слишком размеренно, буднично, планово. Даше казалось, что маме бывает очень скучно с этим человеком, но обстоятельства диктовали необходимость общения. Одним из не самых радужных его моментов было то, что Борис настаивал на уходе Ирины из кафе. Он часто заходил к ней на работу и никак не мог смириться с той атмосферой, которая царила в полумраке заполненного музыкой кафе. Ему не нравились каждодневные шумные застолья, пьяные компании, безудержное веселье под хорошим хмельком. Ирина вспоминала времена, когда здесь все было иначе. Было и веселье, и бесконечная музыка, и жаркие ссоры, но все сдерживалось рамками, определенными Стасом. После ухода Дубровина это популярное место стало превращаться в забегаловку и довольно быстро потеряло былую привлекательность. Новый заведующий вел себя подчеркнуто надменно со своими сослуживцами, а Ирину невзлюбил с первых дней. Вероятно, доброжелатели нашептали ему о приятельских отношениях между Дубровиным и его бухгалтером. Своеобразно показывая, что старые порядки закончились, Ирину подвергали всяческим проверкам. Явный негатив в ее адрес со стороны заведующего действовал женщине на нервы. Поэтому уход из кафе не стал бы для нее трагедией, только другой работы пока не было. Усмиряя пыл своего возлюбленного, Ирина пообещала уйти сразу, как только ей представится такая возможность.

Даша наблюдала за тем, как в их жизнь входит еще один мужчина, и настороженно присматривалась к нему. С подругами говорить на эту тему не хотелось – у двух девочек, с которыми дружила Даша, родители сумели сохранить нормальную, полноценную семью. Переживания самой Даши они воспринимали, как нечто надуманное. Им было не понять ее. Иногда казалось, что ей даже завидуют: нет того дотошного контроля, от которого мечтают избавиться все в этом нежном, противоречивом возрасте. Идеально было бы поделиться своими мыслями с Дубровиным, но общение с ним стало настолько редким. Первая волна обиды у Даши отхлынула, обнажив болезненную необходимость видеть и слышать своего кумира. Но гордость не позволяла ей первой идти на контакт. Иногда она снимала трубку, набирала номер Стаса и, не дождавшись ответа, нажимала на рычаг.

В свою очередь Дубровин звонил часто, долго разговаривал с Ириной, расспрашивал обо всем, что у них нового. Просил пригласить к телефону Дашу, но Ирина каждый раз обманывала: то ее нет дома, то она в ванной, то выскочила на минуту к подружке. Это происходило в ответ на просьбу дочери. Дубровин огорченно поджимал губы, не веря в то, что Даша не хочет общаться с ним. А после появления в их доме Бориса звонки Стаса стали очень редкими – он боялся ненужных вопросов, которые могли возникнуть и усложнить жизнь Ирины. Он оставил ей свой новый номер телефона. В его жизни продолжали происходить перемены: новая работа, новая квартира, новая машина. Однако особой радости от обладания всем этим Дубровин не испытывал. Тамара воспринимала все как должное, а ему все чаще становилось не по себе от сознания своей зависимости от нее, ее отца, их желаний, настроений, возможностей. Пожалуй, Стас унижал себя даже больше, чем того заслуживал. Он тосковал по себе такому, каким был в глазах маленькой девочки, восторженно смотревшей на него бездонными голубыми глазами. Он видел в них собственную значимость и был невероятно горд. С некоторых пор Дубровина охватило чувство, что он лишился чего-то очень дорогого. Часть его души осталась в полном, безвозмездном владении Ирины и Даши. Тоска по ним порой становилась невыносимой. Работа и время, проведенное с сыновьями,

помогали отвлечься от воспоминаний, в которых он нес школьный ранец и слушал щебетание Даши о том, как она здорово отвечала на уроках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.